

ПЕТЬКИНА БЛАГОДАТЬ

сборник «ПОТОК СОЗНАНИЯ»

... Когда-то мама Петра Леонидовича Леутетина попала прямиком из Житомира в Уэлен, на Чукотку. Ну и полюбила чукчу из косторезной мастерской, Лёньку-мастера. Раз в неделю, при помощи пинков и затрещин, она отвлекала мужа от резьбы по моржовым клыкам и водки, для любви. Так, её стараниями, а не его, как обычно бывает, появился на свет Петр Леонидович Леутетин – человек яркий, путаный, неугомонный.

Маманя Леутетина давным-давно переехала из Уэлена сначала в Оренбург, а потом – в район Семипалатинска. Там, в деревне, Петька жил с новым отцом – Вундебаром Африканом Рудольфовичем и работал слесарем. И чёрт дернул Африкана Рудольфовича взять Петюнчика в степь, на охоту. Там всё и случилось.

Мужики уехали гонять джейранов, или косуль, или ещё кого-то, – Петька в этом не понимал ничего. Он сидел на становище, варил гречневую кашу, потом добавлял туда тушёнку. Сам же пиво попивал, мужиков дожидался, отчима своего – горячо любимого Африкана Рудольфовича Вундебара. В эти минуты и был отмечен Петюнчик перстом судьбы. Он говорит, что сначала всё помутилось до обморока. Петюнчик очнулся на карачках, потный, а в голове уже ясно и Голос: «Пойди в палатку, дурень, возьми пассатижи и отвертку. Дело есть».

Петька как стоял, так и пошёл. А Голос: « Ты чё, охренел с горя?! На двух конечностях уже не можешь передвигаться?»

- А сам-то, - посмел наконец огрызнуться Петька и встал на ноги.

Тут же получил хорошего пенделя.

- Молчу, молчу.

- Это хорошо. Молчи. Всё молча делай.

А потом Петюнчик шел по степи два часа без остановки, как по компасу. В четыре утра увидел прямо перед собой круглую кабину космического летательного аппарата.

- Вот, - сказал Голос, - давай, действуй.

Петька безропотно и без всякого страха подошёл к шарiku, огляделся, поспешил палец, попробовал: не горячо ли? Кабина была холодной и Петька быстро и ловко начал шуровать отверткой и пассатижами...

Он был уже на полдороге к месту своей стоянки, когда над космическим путешественником появился первый вертолет из поисковой группы. Прилетевшие лишь на третьем специалисты осмотрели шар и остались довольны: космос обошелся с ним милостиво. А два особо секретных сотрудника проверили пломбы, они были безукоризненны. И лишь после этого начали вскрывать спустившийся на родную грешную Землю отсек.

Внутри тоже все было в порядке. В центре кабины, в хорошем научном кресле, сидел ярко-оранжевый кабанастый человеческий муляж. Специалисты обнюхали всё вокруг, а потом за него принялись. Через три минуты тот, кто отвечал за нижнюю часть муляжа, сначала замер, а потом, заикаясь, сказал коллеге по верху: - Гляди... ничего не пойму...он же в шнурованных ботинках был...

Действительно, что-то тут было не так. Это бы и посторонний понял. Прекрасно одетый во всё оранжевое, муляж отсвечивал в полумраке кабины глянцевыми серыми пятками. Ребята – живые, настоящие – помрачнели, но до них ещё не дошло. Они позвали секретных специалистов, а вот те всё поняли с первого взгляда.

- Объект закрыт для всех, - объявил старший, подполковник Михаил Спицын, - майор, станьте у входа для охранения. Вызовите «Первого», доложите.

Майор Виктор Соков выполнил задание и задумался. Делать это ему не следовало. Чертовщиной несло от космического происшествия. Майор почувствовал чудовищную слабость и позавидовал учёным, которые

допивали уже вторую бутылку тогдашней непаленой «Московской» водки неподалеку от шарика. Он вдруг – для себя, для себя вдруг – первый раз в жизни без малейшего колебания оставил пост и попросил мужиков: - Плескани полстакана!

Тут уже стоит ученых-специалистов пожалеть. И не в том дело, что водку жалко, нет, не в этом. Хотя... нет, всё же не в этом. А в том, что для них это было потрясением не меньшим, чем таинственное исчезновение шнурованных ботинок. Чтобы особосекретный майор бросил пост, на который его у них на глазах поставили, да ещё водку начал лакать... Парни почувствовали, что сходят с ума. Поэтому они и майору целый стакан поднесли, и себя не обидели.

- Главное дело, пломбы и замки в полном порядке! – Через несколько минут жаловался моментально захмелевший майор. – Не иначе на старте парня разули.

- Не, - махал левой рукой ученый-специалист, - это игрец. Поиграет-поиграет и положит на место. Обует то есть.

И он быстренько опоражнивал стакан. А его старший коллега вообще нёс что-то несусветное.

- Надо меньше пить, - говорил он, - и больше работать. Тогда будет много денег и мало свободного времени. - Точно, брат, - угодливо соглашался майор, - плескани ещё полстакана, а?

Они вопросительно глядели на совсем уж старшего специалиста, Виталия Александровича Ганюшкина, профессор степенно разрешающе кивал, и, глядя в степь своим неподвижным тяжёлым взглядом, начинал акынскую историю.

- Пройдет, ребяташки, каких-нибудь несчастных двадцать-тридцать лет, и космос окажется совсем другим. Контора наша станет частной лавочкой, называться будет что-то вроде «Гроссмудкосмос», и в ней такие будут делаться дела! Наливай.

Они выпивали, и акын продолжал.

- Ботинки! Какие на фиг ботинки! Пошлют корабль на орбиту с двумя двигателями. Остальные руководство фирмы продаст из-под полы в Поднебесную. Полугодовой продуктовый паек спиздят у одного космонавта! Тот в полёте обнаружит, так они ему новое задание – экстремальное голодание на орбите! И задания-то какие у потомков, так-то и не придумаешь! Наш товарищ, ученый-биолог, счас он пацан ещё, с ума сойдет в открытом космосе: надо будет восемь месяцев слушать песни одного певца. Прилетит, найдёт певца, поставит на перо... Шкандал! Кое-как Героя дали. А певец тот вылечился, перекрасился, и сел через полгода за финансовые махинации с нефтью.. Так наш-то, представляете, несколько лет его на зоне подогревал!

- За финансовые махинации с чем?

- С нефтью.

- Это как это?!

- Сам не пойму, - признавался Виталий Александрович, - согласен, бред какой-то. Но с другой стороны, известно же : «жизнь есть сон...»

Специалисты скептически крутили пальцами у виска, наливали, слушали тишину степной природы. И лишь майор Соков верил профессору. Мозги его начинали свою эволюцию под проникающим во все клетки взглядом Ганюшкина. В левом полушарии зазвучали первые такты « Baila chili cha», назойливое ча ча ча из будущего...

Время спрессовалось, Через каких-нибудь полчаса подполковник Спицын хватился наружного охранения, но было уже поздно. Майор так уханькался, что, когда в воздухе появился сам СП (Сергей Павлович Королев, царство ему небесное), охранника пришлось прятать в вертолете. А грозный конструктор в бешенстве перечеркнул самодовольный муляж масляной краской – эксперимент вышел нечистый. Потом он собрал личный состав, и, зловеще тихо, пообещал, что «всё равно узнает, кто коней увёл, и, в конце концов, всех здесь заставит в мужики записаться, а кто не запишется, тому амбец»! СП, академик, знал музыку! Он ещё раз покрыл всех окрест и дальше, и, распаляясь уже не на шутку, улетел от греха подальше.

На суде Петька устроил настоящий праздник жизни, бразильский карнавал пополам с русской масленицей.

- Не ведает, что творите, - укорял он грозный состав суда, - я не вор. Я проводник. Ретранслятор.

- Что вы имеете в виду?

- А то, что благодать была. И по ней, как объяснил мне Голос на обратном пути, всем нам, русским людям, боженька дает карт-бланш.

- Ты зачем ботинки спёр? Это что, карт-бланш?

- Ну, отчасти, да. Этой акцией, как Голос-то поведал, мы должны привлечь внимание всех землян к событию. А вот когда оно состоится, где, – это мне уже неизвестно. Хотя, когда все произойдёт, никого и привлекать-то не надо будет. Так все узнают. Мало не покажется.

Председательствующий, военюрист второго класса Михаил Паперно, послал его на психиатрическое обследование. Но попросил конвой завести ретранслятор на минутку в судейскую комнату.

- А как там насчёт богоизбранного народа? Ничё не было?

- А, - махнул рукой Петька, - откуда.

- С какого, как говорится, перепугу, - усмехнулся военюрист второго класса, – понятно. Короче, как всегда. Да это я так, на всякий случай. А вдруг...Нда, вечная история. Ну ничё, мы и ещё подождём.

Врачи сказали, что парень здоров. Тогда судья пригрозил лишней статьей – за неуважение к суду. Петька стоял на своём – была благодать.

Выручил его, как ни странно, майор Виктор Соков. Его к тому времени уже уволили из органов, но на суд отпустили. Так вот, бедолага подтвердил: пломбы и замки простому смертному открыть и закрыть невозможно, и без чертовщины здесь не обошлось. После этого он, без перерыва, потребовал отпустить томящегося на тот момент в городе Горьком академика Сахарова, а Елену Боннэр оставить там пожизненно. На бывшего майора тут же надели наручники и отправили домой, на гарнизонную гауптвахту.

И уже глубокой ночью судье Паперно, находившемуся в этот момент в интимной близости со своей уважаемой в городе супругой, Голос сказал: «Остановись. Больше двух лет давать нельзя».

Судья не только послушался, но пошёл ещё дальше: дал Петьке за космическое мародерство два года условно и отказался от секса с женой. Побежал впереди паровоза. Но там этого не любят.

Потом они куда-то пропали.

Несколько лет подряд после благодати в семьях байконуровских чекистов сыновей называли Петрами. А сами космонавты стали в безвоздушное пространство надевать ладанки, с молчаливого согласия начальства.

Политуправление настаивало, что на ходе мудровечной истории это никак не отразилось.

Голос иронически молчал.

